

Арто

ПАДА

Очаровательное
массовое
самоубийство

СИ

ЛИ

ННА

INSPIRIA

Москва

2023

УДК 821.511.111-31

ББК 84(4Фин)-44

П12

Arto Paasilinna
HURMAAVA JOUKKOITSEMURHA

Copyright © The Estate of Arto Paasilinna

First published in Finnish with the original title Hurmaava
joukkoitsemurha

by Werner Söderström Ltd. (WSOY) in 1990, Helsinki, Finland.

Published in the Russian language by arrangement with Bonnier Rights,
Helsinki, Finland and Banke, Goumen & Smirnova Literary Agency,
Malmö, Sweden.

В оформлении обложки использована иллюстрация:

с adehoidar / Shutterstock.com

Используется по лицензии от Shutterstock.com

Перевод с финского *Анны Воронковой*

Художественное оформление *Владислава Воронина*

Паасилинна, Арто.

П12 Очаровательное массовое самоубийство / Арто
Паасилинна ; [перевод с финского А. А. Воронко-
вой]. — Москва : Эксмо, 2023. — 288 с.

ISBN 978-5-04-162306-7

Двое незадачливых самоубийц в поиске единомышленников решают подойти к организации дела с финской практичностью и размещают объявление в газете. Вскоре желающих вступить в «клуб по интересам» набивается целый автобус — очень кстати, ведь столько всего нужно продумать и спланировать. Главное? в бурном процессе подготовки массового самоубийства не начать случайно наслаждаться жизнью, а то так и передумать недолго.

УДК 821.511.111-31

ББК 84(4Фин)-44

© Воронкова А., перевод на русский
язык, 2023

© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2023

ISBN 978-5-04-162306-7

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

В этой жизни самое важное дело — смерть,
да и она не так уж важна.

Народная мудрость

Глава 1

Самый страшный враг финнов — безнадежность, грусть, беспричинная бездонная апатия. Меланхолия витает над несчастным народом, тысячи лет держит его в подчинении, поэтому душа его мрачна и серьезна. Власть печали так сильна, что многие финны начинают видеть в смерти свое единственное спасение. Черная меланхолия — более жестокий и беспощадный враг, чем даже Советская власть. Но финны, несмотря ни на что, остаются воинственным народом, они никогда не сдаются, раз за разом поднимая восстания против террора. Для финнов день Ивана Купалы, этот летний праздник света и радости, — своего рода массовая битва, в которой они общими усилиями пытаются победить щемящую тоску. В канун праздника мобилизуется вся нация: не только воинственные мужчины, но и женщины, дети, старики спешат на фронт. На берегах тысячи озер вспыхивает бесчисленное множество костров, взмывают ввысь сине-белые военные флаги. Пять

миллионов финских воинов подкрепляются перед битвой жирными колбасками и жареными свиными ребрышками. Без колебаний опрокидывают стопку для храбрости и под звуки гармошки отправляются мериться силами с тоской, всю ночь без устали побеждая ее в неравном бою. В предвкушении близкого боя поколения объединяются, женщины становятся матерями. Смелые лодочники, покоряющие водные просторы, гибнут в озерах и морских заливах. Десятки тысяч людей обоего пола без вести пропадают в ольшаниках и зарослях крапивы. Сколько совершается героических подвигов, какое самоотверженное мужество проявляет народ! И вот радость и счастье одерживают победу, тяжелые мысли улетают прочь, народ наслаждается по праву завоеванной, единственной в году ночью свободы. Мрачный, безжалостный угнетатель сломлен.

Утро после ночи Ивана Купалы на берегу озера Хумалаярви¹ в Хяме. В воздухе еще носился запах дыма от ночного сражения: вчера был канун праздника, и повсюду разжигали костры. Ласточка с раскрытым клювом носилась над озером, охотясь на комаров. Погода была ясная, безветренная. Люди еще спали, только у птиц были силы петь. Одинокий мужчина сидел

---

¹ Хумалаярви — «пьяное озеро».

на крыльце своего домика в Хяме с неоткрытой бутылкой пива в руке. Звали его Онни Релонен, ему было под пятьдесят, на лице — глубокая печаль. Релонен не принадлежал к толпе вчерашних ночных победителей. Он был тяжело ранен, и не существовало такого полевого госпиталя, где его разбитому сердцу могли бы оказать первую помощь. Худощавый, среднего роста, уши немного крупноваты, нос длинный, с красным кончиком. Одет он был в летнюю рубашку с короткими рукавами и бархатные брюки. По этому человеку было видно, что раньше в нем кипела мощная сила, кипела, но иссякла. Теперь же это был усталый, побежденный, побитый жизнью мужчина. Морщины и редющие волосы на голове красноречиво свидетельствовали о его постоянных поражениях в битвах с жестокостью и скоротечностью бытия. Желудок Онни Релонена вот уже лет десять страдал от изжоги, и в складках кишок зарождался катар. Суставы были в порядке, мышцы тоже, если не считать их растущей дряблости. Сердце же Онни Релонена страдало ожирением и тяжело стучало в груди. Оно стало бременем для тела, утратив функции хранителя жизни. У Релонена были причины бояться, что сердце однажды остановится, парализует тело, заставит хозяина тщетно алкать жизненных соков и предаст смерти. Вот чем оплатит усталый орган человеку, доверявшему своему сердцу с само-

го рождения. Пропусти сердце хотя бы сто ударов, всему пришел бы конец. Ничего бы уже не значили для Онни Релонена все прежние миллиарды сокращений сердечной мышцы. Такова смерть. Она унесла жизни тысяч финских мужчин. И никто не возвращался, чтобы рассказать, каково это — умереть. Весной Онни Релонен начал красить облупившиеся стены своего домика, но работу так и не закончил. Банка с краской стояла рядом с домом, из нее торчала засохшая кисть. Онни Релонен был бизнесменом, его даже называли директором. У него за плечами остались трудовые годы, бурное начало, успех, толпа подчиненных, бухгалтерия, деньги, фирма. Когда-то в молодости он был рабочим, а в шестидесятые годы стал хозяином небольшой фабрики по производству металлических пластин. Ценовая политика и алчные конкуренты привели к банкротству его фирму «Металлические покрытия и карнизы Релонена». Затем он стал хозяином автоматической прачечной. То был своего рода раритет: почти каждая финская семья уже обзавелась стиральной машиной, а те, у кого ее не было, не придавали стирке большого значения. Крупные отели и шведские корабли не обращались к Релонену с просьбами о стирке, а сети местных прачечных то и дело уводили клиентов у него из-под носа. Заказы распределялись за закрытыми дверями. Очередное банкротство грянуло вес-

ной. С того момента Онни Релонен погрузился в глубокую депрессию. Дети его уже выросли, брак балансировал на грани развода. Если Онни и начинал вдруг воодушевленно строить планы на будущее и делиться своими идеями с женой, та его не поддерживала:

«Угу», — таков был ее неизменный и единственный комментарий. Не ответ, не поддержка — ничто.

И жизнь, и бизнес — все безнадежно. Онни Релонен с зимы вынашивал мысль о самоубийстве. Она посещала его и раньше. Желание жить покидало его и раньше. Он бы еще весной, после банкротства прачечной, наложил на себя руки, но как-то сил тогда не было. И вот настал Иванов день. Жена была в городе — сказала, что не хочет портить себе праздник, сидя в деревне рядом с угрюмым мужем. Одинокий вечер, без костра, без друзей, без будущего. Никакой радости для несчастного. Онни Релонен, поставив бутылку на ступеньки, вошел в дом, вытащил револьвер из прикроватной тумбочки, зарядил и положил в карман бархатных брюк. «Ну, вот и все», — грустно, но решительно подумал Онни. Первый раз за долгое время он снова чувствовал, что вот-вот что-то сделает, причем сделает нечто важное. Пришло время поставить точку в этом убогом и тихом существовании. Жирную точку как финал всей жизни, а вернее — оглуши-

тельный восклицательный знак! Онни Релонен отправился бродить по деревенским окрестностям Хяме. Равнодушно внимая птичьему хору, он шел по песчаной проселочной дороге мимо соседних домов, через огороды, оставил позади мельницу, хлев и чей-то хутор. За леском простиралось еще одно поле. Онни вспомнил, что на краю леса когда-то стоял старый обветшалый сарай. Там можно и застрелиться. Это тихое место как раз подходило для того, чтобы закончить все именно там. Может, надо было оставить дома на столе прощальное письмо? Но что написать? «Прощайте, дорогие дети, попытайтесь пережить это, отец принял решение...»? «Не укоряй меня, жена»? Онни Релонен представил реакцию супруги, читающей его прощальные слова.

«Угу», — вот и все, что она скажет.

В поле пахло травой, крестьянин только что скошил кормовые побеги. Деревенские жители работают и в канун праздника — коровы обязывают. Шмели жужжали, ласточки кружили над старым сараем. На озере кричали чайки. Онни Релонен с холодеющим сердцем подходил к старому серому сооружению, которое годилось теперь только для того, чтобы свести в нем счеты с жизнью. Оно становилось все ближе, похоже было, что жизнь закончится быстрее, чем он думал. Онни Релонен не смог сразу войти в распахнутые двери сарая.

Они поджидали его, словно черная разверстая пасть ада. Он стал оттягивать решающий момент, обошел вокруг дома, как раненый зверь, который хочет убедиться в правильности выбора места своего последнего приюта. Заглянул внутрь через щель между гнилыми досками. Ужасно. Но решение было принято, осталось обойти сарай, войти внутрь, выстрелить и упасть в объятия смерти... Одно движение курка, последнее усилие — и сальто сделано, финальное сальто от жизни к смерти. Релонен вздрогнул. В сарае кто-то был! Между досок мелькнуло что-то серое, послышалось тяжелое сопение. Олень? Человек? Усталое сердце Онни Релонена затрепетало от счастья. Нельзя убивать себя в сарае, где находится какое-то животное или, что еще хуже, человек! Нет! Это как-то некрасиво. В сарае действительно был человек. Рослый мужчина в серой военной форме, поднявшись на кучу сена, привязывал к балке веревку. Вскоре ему это удалось. Мужчина стоял боком к Релонену. Рассмотрев его, Онни догадался, что перед ним офицер — на штанах желтые лампасы. Мундир расстегнут, на петлицах по три звезды. Полковник. Онни Релонен не сразу понял, что полковник делал в старом сарае утром Иванова дня и для чего привязывал к балке веревку. Но когда незнакомец принялся завязывать петлю на другом конце веревки, его намерения стали абсолютно

ясны. Веревка была скользкая, нейлоновая, и петля никак не завязывалась. Полковник глухо ворчал, очевидно, ругался. Его ноги дрожали, это было заметно по трясущимся лампам. Наконец полковник кое-как сделал петлю и надел ее себе на шею. Он был без головного убора. Солдат без фуражки — плохой знак. Так он собирался покончить с собой! Боже... «Да, мир тесен», — подумал Онни Релонен. В одном и том же сарае, в одно и то же время встретились два финна, чтобы проверить одно и то же страшное дело. Онни Релонен, кинувшись к двери, крикнул полковнику:

— Бросьте вы это, господин полковник!

Офицер перепугался до смерти. Он покачнулся, петля на его шее затянулась, и он повис на веревке и наверняка бы погиб, если бы Онни не подоспел вовремя. Релонен схватил полковника, перерезал веревку и успокаивающе похлопал неудавшегося самоубийцу по спине. Лицо висельника было потным и синим — веревка успела сильно сдавить ему горло. Онни Релонен снял веревку с шеи несчастного и усадил его на ступени сарая. Мужчина перевел дыхание, потер шею. На ней осталась красная полоска — душа едва не покинула тело. Какое-то время они сидели молча. Затем полковник встал, протянул руку и представился:

— Кемпайнен. Полковник Герман Кемпайнен.

— Онни Релонен. Рад знакомству.

Полковник ответил, что ему не до радости. Все плохо. Он выразил надежду, что спаситель никому не расскажет о случившемся.

— Кому какое дело? Всякое бывает, — пообещав молчать, бросил Онни Релонен. — Честно говоря, я с тем же сюда пришел, — добавил он и вытащил револьвер.

Полковник долго смотрел на заряженное оружие, прежде чем понял: он в этом мире не одинок.